

КАЛЕНДАРЬ КЕТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ УКЛАДА ИХ ЖИЗНИ

Г. Т. Поленова

*Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*

KET CALENDAR AS A REFLECTION OF THEIR WAY OF LIFE

G. T. Polenova

*Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch)
of the Rostov State University of Economics (RINH)*

Аннотация: в статье рассматривается календарь кетов. Автор осуществила несколько экспедиций в места проживания кетов еще в период проживания там старшего поколения, хорошо владевшего своим родным языком и знавшего все обряды и обычаи своего народа при кочевом образе жизни. В названиях месяцев отражено состояние природы и хозяйственные заботы кетов в соответствующее время. Так, ноябрь – *tabeiŋ qīp* ‘месяц пешей охоты с собаками’ (*tab > tap* ‘собаки’-*eiŋ* ‘идти, ехать’); январь – *qäqīp* ‘большой месяц’ (*qä*- ‘большой’) или *qä-həl’ aŋ-ekŋ-qīp*, букв. ‘большой месяц коротких дней’ и т. п. Особое внимание уделяется зимним месяцам, так как кеты проводили их в тайге на охоте, которая была связана с большими передвижениями, со сменой стоянок, с определенными обрядами, улаживанием «дорожной старухи», с соблюдением правил охоты на медведя, соболя, белку, росомаху, лося и т. п. Месяцы весны и лета связаны у кетов с водой. Например, май – *qudebAl’ qīp* – ‘месяц нереста щуки’ (*qude* ‘щука’ – *bAl’ > bəl’* – корень слова *bəl’ aŋ* ‘отдельный, обособленный, отличающийся’. В июне кеты устраивали плотинно-ловушки для рыбы, ставили летние чумы на берегу Енисея или его притоков, проводили ярмарки. Встречались с родственниками, посещали священные места своего клана, праздновали летнее солнцестояние. В августе собирали лесные фрукты, ягоды, грибы, лечебные травы и корни. На основе анализа данных кетского календаря автор приходит к выводу, что кеты являлись носителями мезолитической культуры первобытных охотников, рыболовов и собирателей.

Ключевые слова: кеты, календарь, тайга, охота, зимняя дорога, стоянка, медведь, чум.

Abstract: the article deals with the Ket calendar. The author carried out several expeditions to the places of residence of the Kets during the period when the older generation lived there, who spoke their native language well and knew all the rites and customs of their people in a nomadic way of life. The names of the months reflect the state of nature and the economy of the Kets. So, November is *tabeiŋ qīp* ‘month of hiking with dogs’ (*tab > tap* ‘dogs’-*eiŋ* ‘to go, go’); January – *qäqīp* ‘big month’ (*qä*- ‘big’) or *qä-həl’ aŋ-ekŋ-qīp*, lit. ‘big month of short days’, etc. Particular attention is paid to the winter months, since the Kets spent them hunting in the taiga, which was associated with large movements, with changing camps, with certain rituals, pleasing the “old woman on the road”, observing the rules for hunting bear, sable, squirrel, on an elk, etc. The months of spring and summer are associated with water. For example, May – *qudebAl’ qīp* – ‘pike spawning month’ (*qude* ‘pike’ – *bAl’ > bəl’* is the root of the word *bəl’ aŋ* ‘separate, isolated, different’. In June, the Kets built dams-fish traps, set up summer plagues on the banks of the Yenisei or its tributaries, and held fairs. They met with relatives, visited the sacred places of their clan, celebrated the summer solstice. In August, they collected forest fruits, berries, mushrooms, medicinal herbs and roots. Based on the analysis of the data of the Ket calendar, the author comes to the conclusion that the Kets were the bearers of the Mesolithic culture of primitive hunters, fishermen and gatherers.

Key words: kets, calendar, taiga, hunting, winter road, camp, bear, chum.

...в языковой системе, в том числе в тематической организации лексики, отражаются особенности познавательного опыта конкретного народа, черты его материальной и духовной культуры, а также определенная, принятая данным языком «конвенция».

[1, с. 163]

Введение

Кеты – малочисленная народность Сибири, язык которой находится на грани исчезновения. Поселения кетов разбросаны по берегам Енисея и его притоков. До 30-х гг. XX в. кеты вели свой традиционный образ жизни: лето в летних чумах на берегу реки или озера – рыболовство и собирательство; зима в зимних чумах в тайге – охота. В середине прошлого века кетов переселили в избы с железными кроватями, детей стали обучать в школах-интернатах, лишив их привычной семейной среды и общения на родном языке. За время учебы в школе дети все больше отдалялись от родного очага, от традиций родителей, что в значительной степени способствовало вытеснению кетского языка русским.

Автору статьи повезло в том отношении, что во время экспедиций в 70-х гг. прошлого века еще удалось застать старшее поколение кетов, родившихся в 1920-е гг., не прошедших интернат, хорошо помнивших жизнь в тайге, хранивших традиции и придерживавшихся своих верований.

Первая наша экспедиция (1974 г.) прошла в семье последнего кетского шамана Серкова, на берегу реки Мадуйки и Мадуйского озера. На побережье озера мы увидели стойбище чумов, обитатели которых (кеты и селькупы) сохраняли привычный образ жизни. Они охотно отвечали на наши вопросы и разрешали заходить в чум.

Вторая экспедиция (1981 г.) проходила в Келлоге на р. Елогуй. Информантов было несколько, но больше всего запомнилась Тамара Макаровна Коротких, которая прекрасно знала свой язык и соблюдала все табу, предусмотренные обычаями.

Помнится, как на просьбу проспрягать глагол «умирать», она категорически отказалась это делать. Мы спросили, а как же выразить это. Ответ был: «Ушел на Север, Северный ветер забрал».

Третью экспедицию (1989 г.) мы провели в селе Бакланиха в излучине впадения р. Бакланихи в Енисей. Во время этой экспедиции удалось сделать записи речи Анны Яковлевны Кусаминой, лучшей охотницы Бакланихи. Раньше ее семья жила в Пакулихе, на другом берегу Енисея, но их насильно переселили в Бакланиху для укрупнения села. Анна Яковлевна выросла с отцом в тайге. Мать рано умерла. Мачеха не очень жаловала падчерицу, поэтому девочка целыми днями была с отцом, научилась стрелять так, что попадала белке в глаз, не повредив шкурку. От нее мы узнали об особенностях кетского календаря, от-

ражавшего былой уклад жизни кетов. Им, этим особенностям, посвящается данная статья.

Материалы и методы исследования

Материалом статьи послужили записи, сделанные автором во время экспедиций в места проживания кетов. Мы опирались также на труды Г. К. Вернера [2; 3].

В работе использованы данные, представленные в календаре Зои Васильевны Максумовой, кетки, хорошо знающей свой язык и единственной из носителей языка защитившей кандидатскую диссертацию по кетскому языку [4].

Большую роль для нашего анализа кетского календаря сыграли работы Е. А. Крейновича [5; 6].

Методами исследования являются описательный и метод структурно-контентного анализа.

Результаты исследования

Сентябрь называется у кетов *Λ:η-dΛqη-qip*, букв. 'месяц, когда падает листва' (*qip* 'месяц, луна, дед'; *Λ:η* 'листья'; *dΛqη* 'падать'). В этом месяце кеты ремонтировали старые, изготавливали новые лыжи, нарты, ружья, ночью ловили с освещением рыбу, собирали лесные ягоды и корни, охотились на лесных и водяных птиц [2, S. 172]. Составитель современного кетского календаря на 2010 г. кетка З. В. Максумова назвала сентябрь *eltij qip* 'месяц сбора ягод' и *qus'am bən's'aη qomas' qip* 'десятый без одного месяца' [4] (*qus'am* 'десять' – *bən's'aη* 'нет' – *qomas'* 'один' в орудно-совместном падеже).

Октябрь имеет название: *baη-tΛ:l'-qip*, букв. 'месяц замерзания земли' (*baη-* 'земля'; *tΛ:l'* 'замерзший, мерзнуть'; *qip* 'дед, месяц, луна'). Кеты покидали берег реки или озера и отправлялись в тайгу на то место, где они проводили осень. Здесь кеты жили в чумах или в землянках, продолжали ремонтировать хозяйственные и охотничьи принадлежности, собирали еще кое-какие лесные ягоды и охотились на речных и лесных птиц. З. В. Максумова называет этот месяц также *bul'aη qip* – 'месяц пешей охоты-ходьбы' (*bul'* 'нога'; *-aη* – суффикс мн. числа) [4]. Для мужчин это был первый поход в тайгу. Он назывался *bul'qə't* (*bul'* 'нога'; *qə't* 'дорога').

Ноябрь – *tabeiq qip* 'месяц пешей охоты с собаками' (*tab > tap* 'собаки'; *eiq* 'идти, ехать'). В этом месяце снег был еще неглубокий, и охотники уходили пешком с собаками на один или несколько дней (три-четыре дня) охотиться на соболя и белку, а

также на медведя, если обнаруживали берлогу. Женщины занимались домашним хозяйством, шили одежду и обувь. Это был второй поход. Охотники уходили с нартами, груженными необходимой утварью (покрышки из бересты для изготовления зимнего чума, порох, пули, дробь и т. п.). Эта охота длилась один месяц, после нее мужчины возвращались в землянки, чтобы провести там декабрь. Если обнаруживали берлогу, то охотились на медведя. Медведь занимает особое место в культуре и верованиях кетов, поэтому уделим ему здесь больше места.

Вся культура кетов пронизана спиритуальностью, охватывающей все формы жизни природы, будь то человек, животное, дерево и т. п. при тесной связи естественного и сверхъестественного мира. Животные приравнены к человеку. С животным нельзя обходиться жестоко, высмеивать его или плохо о нем говорить. Охота была связана с множеством запретов, правил, примет и обрядов. О предстоящей охоте нельзя было говорить. Зверей нельзя было называть их именами. Нужно было пользоваться табуированными выражениями.

Кеты убивали на охоте зверей, веря в то, что они сами этого хотят, так как Бог *es* 'послал их на землю, чтобы обеспечить пропитание людей. Звери ведь возрождаются потом вновь. В это кеты свято верят. Поэтому они молят властительницу мира зверей *Qajgus*', чтобы она послала им успешную охоту, а зверя просят не сопротивляться и позволить себя поймать и убить. Праздник, который устраивали после охоты, служил извинением за совершенное убийство.

Особым авторитетом пользовался соболь, его даже называли собакой *Qajgus*'. Соболь призван был способствовать успеху охоты. То же относилось к белке и бурундуку. Шкурка бурундука висела в чуме рядом с фигуркой-божком *Allal*. Из всех зверей, однако, самым чтимым был медведь. Ему посвящался большой праздник после удачной на него охоты.

Кеты верили, что в образе медведя к ним явился какой-то ближайший родственник с того света. Медведю приписывалось логическое мышление, понимание людской речи и адекватная реакция на нее. Именно поэтому, говоря о медведе, кеты употребляли табуированные выражения, например,

вместо:	говорили:
<i>qoj</i> 'медведь'	<i>ba:t</i> 'старик' или <i>qip</i> 'дедушка'
<i>hanqoj</i> 'медведица'	<i>ba:t</i> 'старуха' или <i>qima</i> 'бабушка'
<i>qojda iqol't</i> 'медвежья шкура'	<i>bada qa't</i> 'парка старика'
<i>qojda des 'an</i> 'глаза медведя'	<i>qo:n</i> 'звезды'

<i>qojda egden</i> 'уши медведя'	<i>haral'gita</i> 'маленькие кедры'
<i>qojda ej</i> 'язык медведя'	<i>atis</i> 'корни поваленного дерева'
<i>qojda tul'en</i> 'тонкий кишечник медведя'	<i>qur'gita</i> 'маленькие щучки'
<i>bi's</i> 'пенис'	<i>tagoks</i> 'куст жимолости'
<i>us</i> 'копье'	<i>oks</i> 'палка, дерево'
<i>bogdom</i> 'ружье'	<i>hal'an oks</i> 'бранная палка'

Нельзя было говорить: *at qoj daRej* 'Я убил медведя', а говорилось, что медведь позволил себя убить, ср.: *tojba:t* 'медведь, который позволяет себя убить' (*toj* 'позволить себя убить'; *ba:t* 'старик').

Охотник, нашедший берлогу, возвращался в стойбище и стучал лыжной палкой. После этого группа охотников отправлялась к берлоге и убивала зверя. Соблюдался определенный ритуал. Разжигали костер, снимали с медведя шкуру, закапывали кишки, отделяли голову и съедали нанизанные на копье отдельные части тела медведя. Отрезали слой жира шириной в ладонь со спины, с наружной стороны ляжек куски мяса в ладонь шириной, от диафрагмы, от печени и от сердца небольшие куски и клали это все в котел на костре.

Правую переднюю лапу использовали для отгадывания, чей умерший родственник пожаловал на побывку в образе медведя. Лапу подбрасывали вверх и каждый раз спрашивали, называя имена умерших. Если лапа падала подошвой вверх, то ответ был отрицательный, если шкурой – то положительный.

Полоска жира шириной в два пальца, на которые разрезались куски медвежьего жира шириной в ладонь, назывались бурундуками (*kor* 'бурундук') [5, с. 36]. Мясо клали на нарты и отгаскивали от берлоги, а легкие целиком бросали в берлогу, туда же отливали немного желчи. Тому, кто нашел берлогу, стелили на лыжи жир с боков медведя. На нарту стелили шкуру зверя и внутрь нее клали мелкие части. Мыли руки и садились вокруг костра. Каждый делал для себя вертел. Доставали из котла «бурундуков». Раздавал мясо старик. После этой «трапезы» отправлялись в стойбище.

Там снимали мясо с нарты. То, что было предназначено для варки, заносили в чум. Там стелили доски в передней части и на них клали мясо. Люди, попив чай в своих чумах, потом приходили в тот, где было мясо. Кости разрезали по суставам и разделявали мясо для варки. Потом все расходились к себе ночевать. Утром приносили большие котлы в чум с мясом. Варили целый день: сначала мелкие части, а затем голову. Голову снимали в сторону леса. В голове медведя искали вшей, т. е. начинали ее есть. Звук хруста во время еды воспринимался как треск раз-

давливаемых гнид. После еды все шли в свои чумы мыть головы, чтобы стать новыми людьми. Чум, в котором ели мясо, выстилали свежей хвоей, чтобы запах ушел. Вареное медвежье мясо укладывали в снежную яму в лесной стороне чума.

Муж хозяйки чума, где было мясо, приносил три широкие дощатые щепы (доски) от кедра и кедровую ветвь. Все это ставилось в передней части чума. Одна доска служила основанием. Две другие ставились по бокам и покрывались новым платком. Приходили из других чумов. Старик рисовал на бересте бабушку *Qajgus*, приговаривая: «Бабушка расчесывается кедровой веткой. Она выпрямляет все суставы, оживает, намеревается пойти в лес». Он нарезает маленькие кусочки меди и связывает одиннадцать спичек. В согнутое из кедровой ветки кольцо он кладет клей и кусочек меди со словами: «Бабушка, свои суставы медью надставь». Потом бабушку усаживают и накрывают шелковым платком. Начинают свистеть по-бурундучьи. Потом берут нос медведя или медведицы и кладут за «спину» бабушки в передней части чума. Бабушка оживает. Все суставы из латуни. Старик говорит: «Бабушка, в лесу твои братья и сестры, твои родители, твои тетки и твои дети. Если будут просить латунь, скажи им: ‘Сами к людям ходите’. Дорогу я вам проложила».

Перед бабушкой стол ставили, а на него семь чашек, седьмую перед медведицей. Старик брал эту чашку, приговаривая: «Бабушка гостить с семьей душами пришла». Дважды повторялась сцена с чашками. После этого сами люди чай пили и возвращались ночевать к себе домой, накрыв «бабушку» накидкой. Так проходило две ночи. На третье утро «старушка» начинала собираться в лес. Пили чай. Старик отвязывал клей со словами: «Бабушка груз оставляет. Потом за ним придет. Бабушка, скажи, что у людей клея и латуни много. Будут просить – скажи: ‘Сами к людям ходите’». Старик брал «бабушку» и дважды обходил с ней вокруг очага по ходу солнца. Потом он надевал лыжи и шел в направлении зари, находил молодой кедр и делал на нем зарубку со стороны утренней зари. На зарубке он прицеплял «бабушку» (пересказ перевода Е. А. Крейновича его текста «Медвежий праздник у кетов») [5, с. 16–21].

Декабрь имеет у кетов название *hAn'a-həl'aŋ-ekŋ-qip*, букв. ‘маленький месяц коротких дней’ (*hAn'a* – ‘маленький’; *-həl'aŋ* – ‘короткий во мн. числе’; *-ekŋ* – ‘дни’). Кеты считали этот холодный, темный месяц самым опасным. Охотой почти не занимались, так как мороз был очень сильным. Полагалось проводить время дома, в лес ходить недалеко, громко не говорить, не смеяться, чтобы не провоцировать злых духов. В долгие темные вечера собирались в одном чуме или землянке и слушали рассказчиков сказок и историй. Шаманы призывали духов помочь сделать пред-

стоящую зимнюю охоту успешной [2, с. 172]. Охотники готовились к третьему длительному походу в тайгу.

Январь – *qäqip* ‘большой месяц’ (*qä* – ‘большой’) или *qä-həl'aŋ-ekŋ-qip*, букв. ‘большой месяц коротких дней’. У З. В. Максунной кроме этих названий январь назван также: *boqt qA:l'* – ‘большой палец рукавицы’ (*boq* – ‘рукавица’; *t>ta* – показатель родительного падежа, *qA:l'* – ‘большой палец руки’). Автор календаря поясняет это название так: «В этот месяц женщина за день могла сшить только большой палец на рукавице» [4].

В этом месяце, покормив «дорожную старуху» [6, с. 236–242] (описание обряда см. ниже), кеты отправлялись вглубь тайги на традиционное место охоты своего клана. Шаманы в это время держали души охотников в невидимой сети, чтобы ни одна душа в пути не потерялась. Снег был глубокий, собак не брали с собой, охотились на соболя и белку. На этой длинной дороге было три стоянки. Женщины подтаскивали нарты с грузом к очередной стоянке, на которой были построены берестяные чумы.

Зимняя дорога называлась *kaŋ*. По ней из зимников кеты отправлялись в тайгу с караваном нарт, а весной возвращались обратно к реке.

Зимняя дорога делилась на три стоянки, *itaq* ‘стоянка’. Стоянки были летние и зимние. Зимние стоянки расположены на расстоянии двадцати километров друг от друга. На каждой стоянке охотники проводили дня три, пока не кончалась белка на этом участке. Женщины, в то время когда мужчины охотились, с помощью одной-двух собак перевозили на нартах муку, сахар, другие продукты, запасы одежды к следующей стоянке. Таким образом кеты продвигались вглубь леса вплоть до последней стоянки, где мужчины оставляли свои семьи, а сами отправлялись на охоту в лес. Перед отправкой на последнюю стоянку совершали обряд кормления «дорожной старухи». По обеим сторонам дороги ставились две пихты под небольшим наклоном к дороге. В центре дороги пихты сходились друг с другом под углом. Пихты должны были задержать злых духов *l'it is* ‘черт, дьявол, злой дух’ (*li't* – ‘гора, покрытая лесом, плато’ + *is* > *es* – ‘Бог, дух’). Заграждение должно было не пропустить злых духов за охотниками в тайгу. Фигура «дорожной старухи» изготовлялась из молодого кедра. Вершину кедра обрубали, оставляли по бокам два сука, изображавшие руки. Верхняя часть служила головой. На «голове» делали изображение глаз и рта. Для «дорожной старухи» вырывали в снегу яму посреди дороги. Из кусочков оленьей шкуры женщины делали «олений» (полоски шкуры, изображающие олений). «Олений» привязывали к нитке и подвешивали дорожной старухе. Этот обряд должен был обеспечить удачную охоту на олений.

Потом разжигали костер и варили бурду из муки. Эту бурду плескали поварешкой на «дорожную старуху». Старик брал лопату и держал ее на дороге, повернув ее в обратную сторону (к реке) и призывал внешних душ охотников прыгнуть на лопату. Затем он переносил их поверх костра в переднюю сторону (к тайге) и клал их на дорогу. У человека, по-кетски, семь душ. Седьмая душа – внешняя *ul'bej* ‘тень, одна из семи душ’. С охоты *ul'bej* должна прийти раньше хозяина. Если она придет позже, то он может умереть. Приведем комментарий Е. А. Крейнвича к его тексту о «дорожной старухе»: «...изображение “дорожной старухи” располагалось в конце дороги, обращенной к реке; впереди старухи, т. е. по дороге, обращенной уже к тайге, располагался костер и таган, а впереди костра и тагана располагались пихты, перегораживающие дорогу. Позади “дорожной старухи”... располагались души *ul'bej* и злые духи *l'it is'*. Впереди же изгороди из пихт располагались люди. Старик, переводивший души, клал перед старухой лопату и предлагал душе вскочить на нее. После этого он поднимал лопату с душой, переносил ее через таган и опускал лопату на дорогу по другую сторону тагана перед пихтами. Оттуда душа присоединялась уже к людям, проходя, по-видимому, сквозь отверстие, которое образовали на дороге две центральные пихты, стоявшие наклонно друг к другу. На таежную сторону переводились по одиночке души всех людей, уходивших на зиму в тайгу. Души детей, которых везли с собой на нарте, не переводились при этом обряде на таежную сторону, так как они не шли пешком» [6, с. 241].

Февраль – *qajitan qi p* ‘месяц миграции лося’ (*qaj* ‘лось’ – *itan* ‘кочевание’). З. В. Максимова назвала этот месяц *qaj qip* ‘месяц лося’. В этом месяце приходили на третью, последнюю стоянку в тайге, откуда потом возвращались из леса на берег реки или озера. С этой стоянки осуществлялась охота на сохатого и диких оленей. Кроме того, продолжалась охота на соболей и белок.

Март – *di qi p* ‘месяц орла’ (*di* ‘орел’). В этом месяце прилетали орлы. Продолжалась охота на лося, диких оленей, соболя и белку; запасали мясо для возвращения из леса на берег водоема.

Апрель – *ka:n qi p* ‘месяц бурундука’ (*qa'p* ‘бурундук’ > *ka:n* ‘бурундуки’). В апреле отправлялись в обратный путь на берег реки, где кеты проводили весну. По дороге охотились только на бурундуков. В это время шла заготовка древесины, из которой потом делали лодки, лыжи, утварь и инструменты.

Май – *qudebAl' qi p* ‘месяц нереста щуки’ (*qude* ‘щука’; *bAl'* > *bel'* – корень слова *bel'an* ‘отдельный, обособленный, отличающийся’ [3, с. 112]). В мае задабривали реку, бросали в воду подарки с просьбой побыстрее освободиться ото льда и дать возможность

ловить рыбу. З. В. Максимова пишет: «В полыньи, трещины льда бросали хлеб, табак, порох, затем просили: “Бабушка-мать, вода, быстрее пройди, не задерживайся”» [4].

Там, где сошел лед, начинали лов рыбы. Дожидались перелетных птиц и начинали охоту на первых уток и гусей.

Июнь – *da:n'qi p* ‘месяц травы’ (*da:n'* ‘трава’). У З. В. Максимова этот месяц назван: *Anaentij qi p* ‘месяц растущей листвы’ и *kalnas qi p* ‘месяц уплаты долгов’. Г. К. Вернер тоже приводит это значение [2, S. 173]. Очевидно, у кетов имелась в виду уплата ясака пушниной во времена царской России. В этом месяце кеты устраивали плотины-ловушки для рыбы, ставили летние чумы на берегу Енисея или его притоков, проводили ярмарки. Встречались с родственниками, посещали священные места своего клана, праздновали летнее солнцестояние.

Июль 1 – первый «месяц» середины лета – *ku:bAnna qi p* ‘месяц ранних уток (утки, раньше всех прилетевшие с юга, рано меняющие оперение: *bAn'* ‘утка’; *na* – показатель родительного падежа мн. числа). В этом месяце наряду с ловлей рыбы охотились на уток. З. В. Максимова назвала этот месяц еще и комариным: *s'ujdAq qi p* ‘комариный месяц’ (*s'uj* ‘комар’; *dAq* ‘(на)падать’). С комарами нам пришлось много повоевать во время экспедиций в июле, так что неудивительно, что они вошли в название месяца.

Июль 2 – второй «месяц» середины лета – *ul'bAnna qi p* ‘месяц водяных уток’ (*ul'* ‘вода’) или *s'u-s'il'-qi p* ‘месяц середины лета’ (*s'u* ‘средний’; *s'il'* ‘лето’). А также *s'u'l'an-taŋ-qi p*, месяц, когда ловят сига – сибирского лосося (конец июля и первая половина августа): *s'u'l'* ‘сиг’; *aŋ* – суффикс мн. числа; *taŋ* ‘тащить, тянуть’. Таким образом, это еще один летний месяц, когда наряду с интенсивным рыболовством охотятся также на поздних уток.

Август – *s'uj-dAq-qi p* ‘месяц падения (исчезновения) комара’ или *ε:l'tij-qi p* ‘месяц, в который собирают ягоды’ (*ε:l'tij* ‘сбор ягод’). В этом месяце собирали лесные фрукты, ягоды, грибы, лечебные травы и корни. З. В. Максимова назвала август месяцем трав *da:n'qi p*.

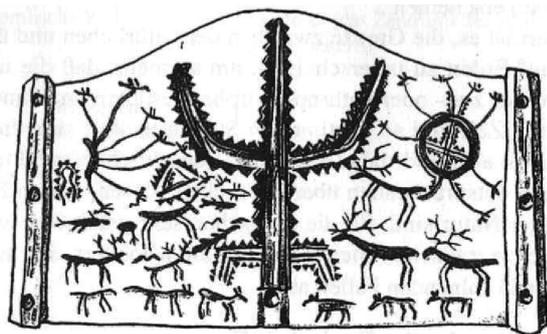
Заключение

Подытоживая изложенное, обратимся к верованиям кетов. Во время ледоходов кеты поклонялись реке; просили быстрее сойти со льда, чтобы можно было начать ловить рыбу. Перед сезоном охоты они посещали соответствующие освященные места. С успехом на охоте был связан культ огня. Огню приписывалась способность обозначать успех охотника особым треском, указывать им верный путь к охотничьим угольям. Огню приносились жертвы. В огонь бросали куски своей пищи.

В чумах висели на столбах идолы лесных духов. К ним подбрасывали разделанных и потрошенных соболей, сибирских норок, горностаев и белок. К деревьям и жердям чума привязывали лоскуты ткани, а из птиц – орлов и луней.

По представлениям енисейцев, животные близки человеку и понимают человеческий язык; по этой причине нельзя было ни говорить о предстоящей охоте, ни хвастаться успехами охоты, ни называть зверей по именам, ни ругать их и ни смеяться над ними. Кости животного не разрешалось разрушать или разбрасывать, а нужно было выносить все вместе в лес и закапывать или втыкать в дупло дерева [7, с. 175–180].

Приведем картину мира кетов, изображенную на спинке кетских нарт (рисунок). Она отражает Древо мира, соединяющее Верхний мир (небо, солнце – справа и месяц – слева), Средний мир (земля, животные, растения, рыбы и птицы) и Нижний мир (все, что живет в земле и под землей).

Рисунок

Кетский язык не имеет и никогда не имел письменности. Вплоть до XVIII в. енисейцы сохраняли родоплеменной строй и вели кочевой образ жизни до середины XX в. Благодаря этим обстоятельствам кетский язык сохранил архаичные черты, отражающие древнюю картину мира и социальных отношений.

Таким образом, кетский календарь из недавнего прошлого (первая половина XX в.) является подтверждением, что кеты являлись носителями мезолитической культуры первобытных охотников, рыболовов и собирателей.

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Поленова Г. Т., доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
E-mail: polenova@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норман Б. Ю.* Грамматика говорящего. Тайны словарной организации // *Общая психолингвистика: хрестоматия.* Учебное пособие. М.: Лабиринт, 2004. С. 151–193.
2. *Werner H.* Die Welt der Jenissejer im Lichte des Wortschatzes. Zur Rekonstruktion der jenissejischen Protokultur. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. 200 S.
3. *Werner H.* Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Band 1: A–K. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. 483 S.
4. *Максунова З. В.* Кетский календарь – 2010. Красноярск, 2010.
5. *Крейнович Е. А.* Медвежий праздник у кетов // *Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты.* М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. С. 6–112.
6. *Крейнович Е. А.* Обряд кормления «дорожной старухи» у кетов // *Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты.* М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. С. 236–242.
7. *Алексеенко Е. А.* Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. 266 с.

REFERENCES

1. *Norman B. Yu.* Grammatika govoryashhego. Tajny' slovarnoj organizacii [Speaker's grammar. Secrets of vocabulary organization]. In: *Obshhaya psixolingvistika: Xrestomatiya.* Uchebnoe posobie. M.: Labirint, 2004. Pp. 151–193.
2. *Werner H.* Die Welt der Jenissejer im Lichte des Wortschatzes. Zur Rekonstruktion der jenissejischen Protokultur. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. 200 S.
3. *Werner H.* Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Band 1: A–K. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. 483 S.
4. *Maksunova Z. V.* *Ketskij kalendar` 2010.* [Ket calendar 2010]. Krasnoyarsk, 2010.
5. *Krejnovich E. A.* Medvezhij prazdnik u ketov [Bear holiday at the Kets]. In: *Ketskij sbornik. Mifologiya, e'tnografiya, teksty`.* M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury`, 1969. Pp. 6–112.
6. *Krejnovich E. A.* Obryad kormleniya «dorozhnoj staruxi» u ketov [The rite of feeding the “road old woman” at the Kets]. In: *Ketskij sbornik. Mifologiya, e'tnografiya, teksty`.* M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury`, 1969. Pp. 236–242.
7. *Alekseenko E. A.* *Kety`. Istoriko-e'tnograficheskie ocherki.* [Kets. Historical and ethnographic essay]. L.: Nauka, 1967. 266 p.

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Поленова Г. Т., доктор филологии, профессор, ведущий научный сотрудник
E-mail: polenova@mail.ru

Поступила в редакцию 5 декабря 2022 г.

Принята к публикации 27 марта 2023 г.

Received: 05 December 2022

Accepted: 27 March 2023

Для цитирования:

Поленова Г. Т. Календарь кетов как отражение уклада их жизни // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 135–141. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/135-141>

For citation:

Polenova G. T. Ket calendar as a reflection of their way of life. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2023. No. 2. Pp. 135–141. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/135-141>